

Маяковский вблизи

С Владимиром Владимировичем Маяковским я познакомился в ранней молодости. Случилось это за год до первой мировой войны. Его слава не выходила в то время за пределы молодой художественной богемы. Но вскоре после того, как он стал разбегаться по России с лекциями об искусстве будущего, она стала значительно шире.

Лекции Маяковского имели необычайный успех, особенно у молодежи. Геркулес по сложению, с выразительными темными глазами и бархатным раскатыстым голосом, он читал стихи и говорил с такой силой убедительности, что, буквально, овладевал аудиторией. Правда, известная часть газетных критиков обрушивалась на него с руганью. Но такого рода «критика» только увеличивала внимание к Маяковскому и его друзьям со стороны людей, которых привлекало новое слово в искусстве.

Повстречался я с Маяковским на улице и, разговорившись, подружился. Меня как-то сразу потянуло к нему. Привлекал его ясный взгляд на искусство — бескорыстное и многоцветное. В разговорах он часто высказывал свою убежденность в том, что в стихах нельзя довольствоваться приблизительным смыслом, что только предельная точность и яркость выражения оправдывают существование поэзии. От искусства он всегда требовал правды, без которой творчество — только игра и подделка.

Правдой дышал весь облик Маяковского — могучий разворот плеч, широкая поступь, плавный взмах руки. Помню, что, когда он читал мне свои первые стихи, меня прежде всего поразила искренность поэта, правдивость поэзии. И страшно и радостно было слышать строки, не похожие ни на какие другие, говорящие то, что еще никем не было сказано, и вместе с тем настолько обыденные, что, казалось, создала их сама уличная толпа. Маяковский своими стихами открывал целый мир новых чувств, впечатлений, мыслей. Не удивительно, что аудитория его становилась все шире и шире. Вначале с его поэзией были знакомы лишь близкие друзья, затем, в послереволюционные годы, она звучала в лекционных залах, и ей горячо аплодировали многочисленные слушатели, заполнявшие площади, вокзалы, рабочие клубы.

Вместе с тем Маяковский оставался хорошим другом, простым человеком, ничуть не превращаясь в нечто величественное и недоступное. Он, например, не расставался с привычкой молодости — пристрастием ко всевозможным играм, начиная с «чет и нечет» и кончая билиардом, причем, азартно играя, он продолжал творить. Его мысли всегда принадлежали поэзии. Порой люди удивлялись его рассеянности во время разговора, его отсутствующим глазам, шевелящимся беззвучно губам, как бы проверяющим слаженность строки. Уйдя с головой в стихию стихосложения, он и в билиард проигрывал, и на поезд опаздывал, хотя ни того ни другого не терпел, считал это признаком неорганизованности. Но что было делать? Организованным зато был его стих — ритм, размер, звучание. Тут Маяковский не опаздывал и не проигрывал никогда.

Я наблюдал однажды, как после игры на билиарде, проиграв много партий подряд, он мыл руки, преследуемый торжествующим партнером. Надо сказать, что Маяковский играл очень недурно, но тут ему попался поэт, который в молодости был маркером в билиардной и прекрасно сам играл. Язвительно усмехаясь, он сказал Маяковскому:

— Проигрались, Владимир Владимирович, придется теперь стишки писать?

К моему удивлению, Маяковский не ответил, как обычно, на вызов, а лишь грустно посмотрел на партнера и произнес:

— Что же мне делать: только это я и умею.

Противник Маяковского умолк, сраженный искренним тоном поэта.

Обычно же Маяковский не был столь кроток в своих ответах. Он любил короткие словесные бои и держался во время схваток уверенно и смело.

Один важный литературный критик, присутствуя на диспуте, посвященном новому искусству, полемизировал с Маяковским. Предвидя свой разгром, он заранее заявил:

— Полагаю, что Маяковский не согласится со мной и в своем выступлении постарается разделить меня под орех!..

— Я не деревообделочник! — последовала немедленная реплика Маяковского с места. Меланхолический тон, которым она была произнесена, усиливал ее действительность.

Маяковский реагировал на реплики столь молниеносно, что часто противник не успевал даже оценить меткость ответа и только раздражавшаяся смехом аудитория возвращала его к действительности...

Мы жили и работали, захлебываясь от ощущения новизны и сбывшихся на наших глазах великих перемен, рожденных революцией. Новые отношения между людьми только налаживались; возникали новые понятия, новые принципы. Вокруг нас было немало недружелюбных и недоверчивых людей, цепляющихся за прошлое, опасаящихся всего свежего, не проверенного традицией. Но это не пугало. Маяковский с его поэзией сам был этим неиспытанным, новым. В то же время он остро, как никто, ощущал наступившую «весну человечества». И никогда, ни в стихах, ни в жизни, не терял этого ощущения, не изменял ему.

Обывательское благоразумие, холодный расчет, выжидательная осторожность — этого никогда не было у Маяковского. Был огненный темперамент, был огромный талант, неукротимая правдивость, неутомимая воинствующая принципиальность.

Влюбленный в жизнь, ненавидящий «всяческую мертвечину», Маяковский «всю свою звонкую силу поэта» добровольно и безоговорочно отдал труdiaщемуся люду, стал певцом его воли, его устремлений. Именно поэтому Маяковский приобрел столь широкую известность, поистине обошел весь земной шар и стал поэтом не только своей страны, но и поэтом всего человечества.

Все, кто знал его, любили в нем не только своего поэта, но и своего друга, друга своей молодости, своих самых горячих и светлых надежд. Человеком он был с большой буквы, носителем человечности в ее лучших выражениях и чертах. Смелый, справедливый, самоотверженный, доброжелательный к людям, он служил примером того, каким человек должен быть при коммунизме. Не дожидаясь того, когда это время наступит, он торопил это время, измеряя жизнь пяталками, измеряя историю столетиями. Он верил в то, что человечество станет мирным сообществом труда, радость и яркость которого станет мерой способностей каждого.

Для меня, как и для многих знавших его, Маяковский был человеком весны, человеком начала пробуждения всей земли от векового рабства и холода взаимных «бед и обид». Он был для меня, как и для многих знавших его близко, залогом будущего цветения всей земли, ее многоплодного будущего. Ведь недаром было им сказано о том, что будет время, когда на первый крик «товарищ!» будет оборачиваться вся земля.

Когда я вспоминаю теперь о нем, его облик неразрывно связан с весной, с весной человечества и с весной нового лета. И я пишу о нем, как о весеннем чуде человечества, о весеннем чуде своего народа:

«Март — весна воды,
Апрель — весна травы,
А май — всем людям на радость;
Птицы — на все лады,
В цветах — поля и сады
И дела наши крепнут, наладясь.

Вот так Маяковский

Шел по весне

По мартам и по апрелям —

Все ближе к солнцу,

К народу тесней,

По лужам и по капелям.

Зачем я сегодня

Вспомнил о нем

Среди повзрослевшего люда?

Затем,

Что горевший предмайским огнем,

Он сам был весеннее чудо!».

Вот таким он и остается для всех верящих весне человечества, с каждым новым пятилетием становясь все ярче и дороже на фоне отходящих в прошлое лет.

Николай АСФЕВ.